

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ФОРМА ПРАВОСОЗНАНИЯ

© 2018 г. Г. П. Лупарев

Алма-Ата, Казахстан

E-mail: lgp.49@mail.ru

Поступила в редакцию 03.03.2017 г.

Юридические пословицы и поговорки веками хранят в себе мысли и эмоции людей, что превращает их в особую и бесценную форму индивидуального, группового и общественно-государственного правосознания. Понимание заложенного в народных изречениях правосознания требует четкого разграничения его исторического и современного аспектов. Все старинные пословицы и поговорки представляют собой живые сколы правосознания минувшего времени. Однако их использование в современной жизни связывает взгляды и настроения живущих ныне людей с правосознанием прежних поколений народа, обеспечивает преемственность в развитии его политико-правовой культуры и основных ценностей.

Ключевые слова: юридическая паремиология, правосознание, юридические пословицы и поговорки.

DOI: 10.31857/S013207690002182-2

Юридическая паремиология является достаточно новым направлением науки. Комплексный, неоднозначный и отчасти противоречивый характер ее объекта, в котором старина причудливо переплетена с современностью, дает возможность исследователям нащупать ряд свежих подходов ко многим правовым вопросам, увидеть новые грани в устоявшихся принципах и стереотипах, проверить правоту конкретных концепций и точек зрения. В этом легко убедиться, рассмотрев отражение в юридических пословицах и поговорках различных сторон правосознания.

Возникая в виде концентрированных итогов многовековой познавательной деятельности людей, народные мудрости воспроизводят былые или сегодняшние реалии не зеркально-механически, но осмысленно и эмоционально. В своей семантике, лексике и художественных образах пословицы и поговорки органично сплавляют логические выводы с соответствующими человеческими чувствами, передают субъективное отношение говорящих к фактам, событиям, закономерностям окружающей действительности.

Способность пословиц и поговорок веками хранить и проявлять мысли, эмоции людей превращает такие изречения в особую и бесценную форму правосознания. Зарождаясь в виде личного суждения или умозаключения, юридические пословицы и поговорки изначально заключают в себе отношение их автора к тому или иному явлению, событию в политико-правовой жизни. Однако, подхваченное его окружением, меткое и красочное изречение быстро внедряется в язык и мышление первичной человеческой общности (рода, местной общины), дополняя или реформируя новым содержанием отдельную сторону правосознания этой общности. Активное использование свежего мудрости превращает его в яркое внешнее проявление конкретной мысли и чувства соответствующей группы. Как заметил дореволюционный правовед П.Л. Карасевич, это лучшее доказательство того, что выраженное в паремии положение принадлежит общему убеждению¹. В дальнейшем, растекаясь по коммуникативно-языковым связям народа, новая пословица или поговорка благодаря точ-

¹ См.: Карасевич П.Л. Обычное гражданское право Франции в историческом его развитии. М., 1875. С. 44.

ности смысла, остроумной формулировке или художественной привлекательности получает широкое распространение, что придает такому изречению весомую социальную значимость. “Именно пословицы, — писал А. М. Горький, — выражают мышление народной массы в полноте, особенно поучительной...”².

Превратившись в общественную точку зрения, юридическое изречение оказывает мощное обратное воздействие на групповое и индивидуальное правосознание людей, которые воспринимают его уже как бесспорную истину, проверенную историческим опытом предков и практикой современников, тем более, что при выборе вариантов поведения или необходимости оправдать свой поступок человеку (да и социальной группе) психологически легче апеллировать к чужому, а еще лучше — массовому мнению, которое кратко, точно и красочно выражено в пословицах и поговорках, — дескать, так народ считает, так наши отцы-деды говорили³.

Многообразие пословиц и поговорок, а иногда и явная противоречивость их содержания заставляют людей выбирать подходящий и выгодный в данной ситуации образец устного народного творчества. Такая субъективность подбора пословиц и поговорок, толкование и использование их в собственных интересах совместно образуют важнейший срез индивидуального правосознания конкретного человека: он включает в свою речь, как правило, лишь те мудрости, которые отвечают его взглядам, представлениям и цели.

Сложную и многократно оборачивающуюся в юридических пословицах и поговорках взаимосвязь общественного и индивидуального правосознания можно выразить так: в устах отдельного человека народные изречения выражают преимущественно его личные мысли и чувства, но, когда их начинают употреблять множество людей или размещают в специальные сборники, подобные пословицы и поговорок характеризуют уже общественное правосознание.

Что касается группового правосознания, то его проявление в юридических пословицах и поговорках, на наш взгляд, обычно бывает незначительным и мимолетным. Оно может выразиться в сугубо профессиональном подходе к тому или иному вопросу, обозначаться особой трактовкой смысла отдельных пословиц и поговорок. Пример в этом отношении дает русская поговорка “береженого Бог бережет”, которую в криминальной среде продолжают: “а не береженого конвой стережет”.

Понимание заложенного в мудростях правосознания требует четкого разграничения исторического и современного аспектов. Старинные пословицы и поговорки представляют собой живые сколы правосознания минувшего времени. Они отражают те политико-правовые реалии, которые их породили и которые характеризуют отношение к былой действительности наших предков. Следовательно, в ретроспективном плане юридические пословицы и поговорки представляют собой крупницы преимущественно исторического общественного правосознания. Но, взятые в определенной системе, они помогают видеть его движение и основные тенденции развития. Ведь в сознании и языке любого народа продолжают сохраняться только те паремии, которые соответствуют новым реалиям и способны их отражать.

Используя старинные народные изречения, люди всегда приспособляют содержание пословиц и поговорок к собственному рациональному и эмоциональному восприятию окружающей действительности и тем самым дают им новую жизнь за счет иного их толкования. С этой точки зрения современное правосознание является главным определителем социальной “дееспособности” любых юридических пословиц и поговорок, которые связывают взгляды и настроения живущих ныне людей с правосознанием прежних поколений, обеспечивают преемственность в развитии социальной психологии народа, его политико-правовой культуры и основных ценностей. Такая преемственность составляет важнейшую черту общественного правосознания, раскрыть которую лучше и ярче юридической паремииологии не может ни одно из направлений современного правоведения.

Используя старинные народные изречения, люди всегда приспособляют содержание пословиц и поговорок к собственному рациональному и эмоциональному восприятию окружающей действительности и тем самым дают им новую жизнь за счет иного их толкования. С этой точки зрения современное правосознание является главным определителем социальной “дееспособности” любых юридических пословиц и поговорок, которые связывают взгляды и настроения живущих ныне людей с правосознанием прежних поколений, обеспечивают преемственность в развитии социальной психологии народа, его политико-правовой культуры и основных ценностей. Такая преемственность составляет важнейшую черту общественного правосознания, раскрыть которую лучше и ярче юридической паремииологии не может ни одно из направлений современного правоведения.

Надо заметить, что юридические пословицы и поговорки, представляющие плод кол-

² Горький об искусстве: сб. ст. и отрывков / сост. Е.Э. Лейтнеккер. М.—Л., 1940. С. 230.

³ По мнению В. Сергеевича, пословичный принцип: “Так поступали отцы, так поступаем и мы” — это общечеловеческая черта. Нежелание выделяться своими действиями среди других людей имеет весьма важное влияние на поступки человека. Русская пословица недаром говорит: “Вперед людей не забегай, а от людей не отставай!” или “Как люди, так и мы!” (см.: Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е. изд., доп. СПб., 1903. С. 10).

лективного творчества, заключают в себе преимущественно эмпирически-житейские воззрения, выражают в основном обыденное правосознание массы людей. В этом качестве они отражают властеотношения, и прежде всего в нормативно-правовом регулировании повседневной жизни общества.

Анализируя содержание юридических пословиц и поговорок с названных теоретико-методологических позиций, можно сделать вывод, что любому народу свойственно понимание сложности общественного устройства, в первую очередь социального неравенства, которое обычно объясняется простым и понятным всякому сравнением с человеческой рукой. “На руке всего пять пальцев, но и те не равны”, — констатирует абхазское изречение. Бенгальская поговорка тоже считает: “На руке пять пальцев, да и те не одинаковы». “Бог пять пальцев и то не уравнил”, — отмечают совпадающие персидская и русская поговорки.

Одновременно в сознании всех без исключения народов мира противопоставлены богатые и бедные, веками бытуют представления о жестокой эксплуатации богачами бедного люда. “Между бедняками и богачами нет родства”, — категорично заявляет португальская поговорка. “Богатый творит, как хочет, а бедный — как может”, — уверяет русская поговорка. “Богатый живет за счет бедных, бедные — за счет своего труда”, “Богатый бедного каждый день обирает”, — говорят китайское и осетинское мудрословия. По мнению Л.Н. Пушкарева, такие изречения имеют огромное значение для характеристики общественного сознания, его понимания социальных отношений, поскольку для пословицы вообще примечателен реальный взгляд на положение вещей⁴.

Вполне отчетливо в некоторых пословицах и поговорках видны и элементы национального самосознания. Это особенно заметно по фольклору тех народов, которые веками подвергались колонизаторскому угнетению и были созданы в условиях иноземного господства. Примером здесь может служить ирландское мудрословие: “Под каждой шпагой в Англии лежит ирландец”. У лужицких сербов, которые веками находились под властью гер-

манских феодалов, есть ряд пословиц и поговорок антинемецкой направленности: “Бог кормит немца, но лужицким хлебом”, “Лужицкий хлеб ест даже немецкий нищий”, “Для лужичан нет хуже черта, чем онемеченный лужичанин”. В изречениях балканских народов часто встречаются отрицание и неприятие турецкого владычества.

Обратной стороной национального самосознания являются ксенофобские настроения, которые можно встретить в фольклоре практически любого народа. “Жид крещеный, что вор прощенный”, “Русский вор лучше еврейского судьи”, — утверждают старые русские пословицы. Албанское изречение предупреждает: “Поздоровавшись с греком, не забудь пересчитать пальцы”. “Дай приют словаку, и он отберет у тебя дом”, — заявляет венгерская поговорка. Казахская поговорка гласит: “Орыстан дасың болса, қасыңда ай-балтаң болсын” (“Если у тебя есть русский друг, держи наготове топор”). Правда, те же казахи еще говорят: “Кара қытай каптаса — сары орыс әкендей болар” (“Когда набегут черные китайцы — рыжий русский отцом покажется”).

Однако, несмотря на суровые политические реалии и многовековой тяжкий гнет со стороны богатеев и чиновничества, ни один народ никогда не мечтал о социальном безвластии. Наоборот, в пословицах и поговорках подчеркиваются необходимость управления страной, потребность в мудром и справедливом правителе, честных и умелых начальниках на местах. “Когда есть Вселенная, есть и солнце; когда есть народ, есть и государь”, “Наука не бывает без споров, деньги — без торговли, а страна — без управления”, “Человек без спутников собьется с дороги, народ без вождя собьется с пути”, “Земля не бывает без холмиков, а народ — без чиновников», — констатируют, соответственно, корейская, таджикская, киргизская и казахская пословицы.

Одновременно пословицы и поговорки проводят грань между хорошими и плохими правителями, критически оценивают результаты их деяний. “Если царь тиран — народ разоряется; если царь умен — народ благодетельствует”, — замечает казахское изречение. “Если предводитель глуп, то народ станет добычей грабителей”, — гласит каракалпакская мудрость. Курды для отражения неоднозначной роли политической власти в обществе используют зоологический образ: “Правители

⁴ См.: Пушкарев Л.Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII—XVIII веков. М., 1984. С. 51, 52.

подобны змеям: они обладают и ядом, и лекарством”.

Очень часто в пословицах и поговорках звучат угрозы в адрес тиранов. “Свинья и король своей смертью не умирают”, — намекает финская пословица. “Кто обнажит меч притеснений, погибнет от него же”, — предупреждает старинное арабское изречение. Еще больше в фольклоре метафорических афоризмов на эту тему. Например, китайская пословица образно, но вполне понятно объясняет: “Государь — что лодка, а народ — вода: может нести, а может и утопить”. Когда иракцы говорят: “Аллах выше султана”, они обычно имеют в виду, что над властителем есть сила повыше — суд народа и что его ждет расправа за жестокость и угнетение⁵.

Подобные мудрословия свидетельствуют об осознании людьми взаимосвязи государственной власти и народа. “Шахская власть — от подданных”, — гласит пословица жителей Хиндустана. Об этом же свидетельствуют арабская поговорка “Нет султана без людей” и узбекская: “Падишах — только с подданными падишах”. Несколько по-иному зависимость государственной власти от народа толкует японское изречение: “Когда теряют народ, теряют государство”.

Указывая на зависимость власти от народа, пословицы и поговорки четко отличают ее от правителей, считают последних временщиками по сравнению с государством как постоянным социальным институтом. Это можно видеть по грузинской пословице: “Насильничать сегодня — во власти одного, завтра — другого”. “Каждому царю — свое время”, — отмечают африканские народы бамбара и малинке. “Сегодня — эмир, завтра — факир”, — говорят бенгальцы о временности властных полномочий отдельного человека.

При этом общее понимание необходимости государственной власти в человеческом обществе сочетается у всех народов с глубоким недоверием к ней и страхом перед властителями. Это противоречие — весьма характерная черта политического и правового сознания народных масс во всех странах, особенно на Востоке. Так, узбекские пословицы наставляют: “Баю довериться — добро поте-

рять, хану довериться — голову потерять”, “Бойся неустойчивой погоды и усмехающегося падишаха”. Согласно китайскому изречению: “Быть с императором — все равно что с тигром”. “Из царской чаши не пей”, “Даже если тебя преследует тигр, не ходи мимо царского двора”, — советуют армянская поговорка и мудрословие индийского народа телугу.

Опасение народных масс реальной государственной власти объясняется долгим практическим познанием того, что суть любой власти составляет насилие, политическое господство над человеком. “Сзади власти — меч”, — подчеркивает иракское изречение. “Дело повелителя — кровопролитие”, — гласит туркменская мудрость. Подобный вывод подтверждают узбекские поговорки: “Повелевать — кровь проливать”, “Где хан, там и кровь”.

Государственное насилие в глазах народов чаще всего резонно рассматривается в качестве средства обеспечить жестокую эксплуатацию людей. “Царю в наследство — царство, народу — каторга”, — утверждает малагасийская мудрость. “Кому — корона на голову, а кому — поборы на шею”, “Не чихай, не кашляй — налогом обложат”, — предупреждают азербайджанские пословицы. “Земля — бека, хана — край, гни спину, издыхай”, — характеризует взаимоотношения простого человека с властью узбекская поговорка.

Воплощением государственной власти обычно служили и служат местные чиновники, к которым, судя по пословицам и поговоркам, любой народ большого почтения никогда не испытывал. “Маленький чиновник хуже лихорадки”, — издавна говорили на Руси. “Чем встретить меньшего начальника, лучше встретить черта”, — утверждают якуты. “Горькая участь у чиновника: денег много, а дела нет”, — иронизируют финны. О чувствах простых людей к чиновникам ярко свидетельствуют узбекские паремии: “Лягушатина — не мясо, чиновник — не друг”, “С чиновником дружить — неприятностей нажить”, “С чиновником не шути — он ударит любым законом”.

Негативное отношение любого народа к чиновничеству определяется не только произволом “слуг государевых”, но и их корыстью при исполнении служебных обязанностей. Это можно видеть по русским поговоркам: “Дьяк у места — что кошка у теста”, “Пришла смерть к подьячему, а он и с нее взятку просит”. Во Вьетнаме говорят: “Добро плышет в

⁵ См.: *Аль-Дури М.Н.* Иракские пословицы и поговорки (Идейно-художественный анализ): дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. С. 80.

дом мандарина, как уголь в печку”. “Чиновник не бьет приносящих подарки”, — свидетельствует китайское изречение. По мнению якутов, “Лучше идти на медведя с ножом длиной в ладонь, чем идти к свирепому начальнику без взятки”.

Пословицы и поговорки показывают, что весьма неоднозначно относятся люди и к правовым явлениям. Высшей ценностью в социальном мире все народы считают нравственно-правовую категорию “справедливость”. Представления о справедливости формировались в человеческом обществе в течение многих веков, в разных историко-политических условиях, что не могло не отразиться на фольклорном толковании этой преимущественно интуитивно-чувственной меры оценки событий и явлений окружающего мира. “Справедливость — результат общего мнения”, — гласит китайское изречение, выражающее доклассовый и примитивно-коллективистский подход к сути данного вопроса. “Справедливость выше правил обычая”, — утверждает казахская поговорка, воплотившая в себе понимание архаичности и даже реакционности отдельных норм обычного права. По мнению турок, испытавших тотальное влияние ислама на повседневную жизнь, “Один час справедливости лучше, чем тысяча дней молитвы”. “Справедливость не умирает никогда”, — отмечает молдавская поговорка, настаивая на том, что социальная ценность данной категории права вечна.

В славянском фольклоре синонимом справедливости чаще всего выступает понятие “правда”, которое, по мнению известного русского языковеда И.И. Срезневского, многозначно. В частности, в древнерусских летописях это слово обычно использовалось в смысле “свод правил, законов”, хотя первое и основное его значение — “истина”, “справедливость”⁶. Именно в качестве понятия справедливости оно встречается во множестве старинных русских пословиц и поговорок: “Правдой мир держится (стоит)”, “Правда свое возьмет”, “Правду молвя, правду и твори” и т.п. А поскольку другое значение слова “правда” — соответствие чего-либо действительности, то в сознании русского народа оно приобретает исключительное значение, отражая его извечное стремление к истине в по-

знавательном смысле и к справедливости — в социальном.

Представления народов о социальной справедливости как об адекватном воздаянии за нарушение норм обычного права и фундаменте мудрого разрешения социальных конфликтов стали ценностной предпосылкой института правосудия и его основных принципов. Недаром во многих языках понятия “справедливость” и “правосудие” обозначаются одним словом. Но отождествление справедливости и правосудия примечательно лишь для догосударственного общества, когда суд имел исключительно посреднический характер и вершился с расчетом на одобрение всего рода или племени. С возникновением господского (владельческого), а тем более государственного суда эти понятия в сознании людей разошлись, стали противопоставляться друг другу. “Естественная справедливость предпочтительнее строгости права”, — такой вывод народ сделал еще в Древнем Риме. “Чем больше законов, тем меньше справедливости”, — говорит английская пословица. “Где суд, там и неправда (обида)”, — отмечается в русской поговорке.

О том, что на определенном этапе общественного развития люди перестали воспринимать правосудие как деятельность по достижению справедливости, свидетельствует и расхождение между понятиями “обычай” и “закон”, хотя изначально они были синонимами. Например, кое-где на Руси обычай в старину именовали *покона*, что, как видим, близко слову *закон*. В пословицах и поговорках многих народов, созданных в условиях классового общества, достаточно четко различаются народные обычаи и законы, изданные государством. “Обычаи сами складываются”, — считают, например, японцы. А монгольская поговорка, напротив, отмечает: “У каждого государства свои законы”. Понимание сущностной разницы между обычаем и законом ясно отражает древнеримское изречение: “Обычай ведет за собой того, кто хочет; закон тащит за собой того, кто не хочет”. При этом некоторые пословицы и поговорки фиксируют историческое первенство обычаев, их более высокий по сравнению с законами государства нравственный авторитет. “Обычай сильнее закона”, — утверждает старинная мудрость испанцев и итальянцев. Согласно с ней другая испанская поговорка: “Обычай делает закон”. “На свете нет ничего

⁶ См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1902. Стлб. 1355–1360.

старше обычая”, — подчеркивает осетинское изречение. Мнение англичан — “Обычай управляет законом”.

Среди множества юридических пословиц и поговорок, отражающих взгляды народов на соотношение обычая и закона, есть и такие, в которых заметно стремление найти оптимальное соотношение этих категорий. “Давний обычай — то же самое, что закон”, — говорят шведы. “Обычай покоится на законе, а закон — на обычае”, “Обычай есть лучшее истолкование закона”, — гласят малагасийская и древнеримская пословицы. Появление подобных умозаключений обусловлено скорее всего возрастающей ролью позитивных законов, на что не могло не отреагировать народное правосознание. А.В. Гордон по данному поводу пишет, что при всем принципиальном различии систем социальной организации, одна из которых олицетворяется “обычаем”, а другая — “законом”, следует отметить, во-первых, преемственность последней, поскольку древнейшие законы представляли собой запись обычаев, и, во-вторых, то, что исторически обе эти системы долго сосуществовали на определенной стадии развития общества⁷.

Пословицы и поговорки свидетельствуют и о том, что люди всегда понимали необходимость нормативной регламентации общественных отношений ради защиты своих интересов. Это, например, можно видеть по корейским изречениям: “На то законы писаны, что воры есть”, “Не будет воров — и закон ни к чему”. Причинную зависимость законов от негативных явлений в обществе отмечает древнеримская пословица: “От дурных нравов проистекают хорошие законы”. “Закон вырастает из порока и наказывает его”, — утверждают англичане.

Жесткая и очевидная для большинства людей обусловленность правовых норм общественной практикой, вполне земной механизм их реализации, постоянное использование в правоприменительной деятельности законов логики — все это с давних времен определило высокую степень секуляризованности общественного правосознания. Разумеется, в мировом пословичном репертуаре можно найти немало народных изречений, связывающих правовые явления с божеством. Ряд таких по-

словиц и поговорок, рожденных спецификой христианского канонического права, приводит Л. Винкель в труде “Немецкое право в зеркале немецких пословиц. Хрестоматия и учебник для немецкого народа”: “Право пришло от Бога”, “Бог — начало любого закона”, “Естественное право — Божье право”⁸. Тем не менее правосознанию любого народа всегда был присущ сугубый рационализм в понимании и толковании правовых явлений, о чем свидетельствуют многие пословицы и поговорки. Даже поминая божество, они обычно оставляют в стороне религиозные представления и опираются преимущественно на здравый смысл. “Божье деяние не нарушает ничьего права”, — так древние римляне оценивали соотношение реального земного и вымышленного потустороннего правосудия. Подобным мудрословием они выводили религиозный фактор из своего правового поля, подчеркивали, что он не может рождать юридических последствий.

Рационализм правосознания позволил многим народам точно ухватить в своих изречениях властную сущность права и закона. “Воля монарха — высший закон”, — констатирует, например, древнеримская пословица. “Где сила, там и закон”, “Где сила, там и право”, — вторят друг другу русская поговорка и юридическая мудрость южноафриканской народности гереро. По отмеченной причине люди издавна уяснили и разную социальную ценность правового обычая и закона. Обычай в пословицах и поговорках чаще всего предстают в виде бесклассовой и незыблемой категории, выражающей интересы той или иной, но всей человеческой общности. “Что соблюдается большинством, то и обычай”, — гласит пословица адыгов. “Народ своих обычаев не меняет”, — утверждают малагасийцы, подчеркивая прочность и универсальность этой формы регламентации социальных отношений. То же вытекает из японской поговорки: “Об обычаях не спорят”. “Все меняется, а обычаи остаются”, — отмечается в итальянской пословице. Зато закон чаще всего выглядит в пословицах и поговорках как классовое явление, воплощающее интересы власть имущих. “Для богатых нет законов”, — говорят телугу. “Другой господин —

⁷ См.: Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989. С. 127.

⁸ См.: Winkel L. Deutsches Recht im Spiegel deutscher Sprichwörter. Ein Lese und Lehrbuch für das deutsche Volk. Leipzig, 1927.

другие законы”, — уверяют лужицкие сербы. Армянская мудрость подмечает: “Закон создан для богатого, а наказание — для бедного”. “Для господ закон не писан”, — считают японцы. “Один закон для богатых, другой — для бедных”, — считают англичане.

Понимание народами того, что законы государства служат в основном богатым (богатым), повлияло и на фольклорное толкование более поздней категории “право”. В ряде пословиц и поговорок, в частности в сомалийской: “Если право не погоняет сила, оно не идет в загон”, в немецкой: “Право во все времена остается правом”, такая категория указана как регулятивное явление. Вместе с тем в народных изречениях присутствует и понимание права в субъективном смысле. Именно в качестве меры возможного поведения субъекта говорят о праве арабская пословица: “Право, которое не отстаивают, умирает”, турецкое изречение: “Право получить есть, да получать нечего”, туркменская поговорка: “Право соседа — право достойного”.

Классовое толкование понятий “закон” и “право” вполне логично предопределило правовой нигилизм в сознании угнетенных масс. “Высшее право часто есть высшее зло”, — утверждается в древнеримском изречении. “Где закон, там и обида”, — подводит итог вековым наблюдениям русская поговорка. “Шариат и так и этак повернуть можно”, “Шариат хорош для мертвых праведников”, — замечают узбеки и афганцы. “Сделан закон — сделан капкан”, — говорят испанцы. “Как только закон принимается, обман начинается”, — уверены немцы.

Выраженный в пословицах и поговорках правовой нигилизм всегда подпитывался и подпитывается свежими встречами с незаконием властей, прежде всего — с судебским произволом. “Что мне законы — были бы судьи знакомы”, — такими словами русские люди издавна иронизируют над ролью “правосудия” в установлении “законности”. И еще: “Где суд, — там и неправда (обида)”, “Судья — что плотник: что захочет, то и вырубит”. Отрицательное отношение к суду зафиксировали пословицы и поговорки других народов. “Бывает палач с совестью, а судья — без совести”, — отмечает армянская мудрость. “Судья судит, как ему нравится”, — утверждает якутское изречение.

Ориентированность суда на интересы богатей, стремление “служителей закона” извлечь материальную выгоду из своего положения обуславливают непреходящую коррумпированность судей. “Взятка и закон очарует”, — гласит на этот счет финская поговорка. “В суд — ногой, в карман — рукой”, — отмечается в бытующем у немцев и французов народном изречении. “Каковы деньги, такова и фетва”, — утверждает, имея в виду исламское правосудие, узбекская пословица. “Чтобы выиграть тяжбу, надо проиграть быка”, — считают вьетнамцы. Индийский народ телугу характеризует взяточничество в суде малопонятной на первый взгляд поговоркой: “Оглянитесь и решайте”, суть которой раскрывает популярная притча. Один из участников тяжбы, хорошо знающий судебные нравы, принес из дому мешок денег и поставил его в углу судебной комнаты. Когда в ходе разбирательства дело стало клониться не в его пользу, он кивнул судье на мешок и сказал: “Оглянитесь и решайте!”. Судья тотчас принял решение в пользу взяточдателя⁹.

Весьма примечательно, что эта притча не столько осуждает судью-взяточника, сколько восхищается ловкостью и изворотливостью человека, сумевшего выиграть тяжбу. Такая позиция достаточно характерна для правосознания многих народов, особенно восточных. В целом негативно оценивая корыстолюбие представителей закона и презируя взяточников, простые люди довольно терпимо относятся к взяточдателям. Потому-то ряд народных изречений сформулирован в форме советов людям решать свои проблемы с помощью мзды. Недаром на Руси обычно говаривали: “В суд поди и кошель неси, а то скажут: завтра”, “Дари судью, так не посадит в тюрьму”, “Мздой, что уздой, обратишь судью в твою волю”. Иракская пословица тоже наставляет: “Пошли подарок — получишь решение своего дела”. Но при этом, как ни парадоксально, обыденное правосознание любого народа содержит ожидание справедливости, надежду на честность и объективность суда. “Где добрые судьи поведутся, там и ябедники переведутся”, — заявляет русское мудрословие. “Праведный судья и мужика, и пана одной мерой меряет”, — считают лужицкие сербы. “Настоящий судья правом не торгует”, — убеждены немцы.

⁹ См.: Пословицы и поговорки народов Востока / сост. Ю. Э. Брегель; предисл. В. П. Аникина. М., 1961. С. 510.

Опасение государственной власти и негативное отношение простого люда к официальному правосудию являются первопричинами того, что, осуждая в целом преступность, пытаясь решить споры и разногласия в суде, народные массы во всех странах презирают доносчиков. “Доносчик хуже вора”, – говорят англичане. “Ябеда и доносчик на одной осине росли”, – утверждает старая русская пословица. Ее едкость усиливается упоминанием дерева, на котором согласно христианской легенде повесился Иуда, предавший Христа. По мнению корейцев, “Ябеда раньше времени умирает”. Подобное отношение к жалобщикам и доносчикам опирается на социальный опыт многих поколений, давно доказавший, что в информации власть предрержащих обычно преобладает клевета на ближних. “Доносчик и на друга клеветает”, – отмечают осетины.

Презренному доносительству обычно противопоставлялись отчужденность людей от власти, их нежелание сотрудничать с пристрастным и несправедливым классовым судом. По мнению чеченцев, когда сталкиваешься с государственной властью и судом, «Слово “не знаю” дороже тысячи слов». «“Не знаю”, “не видел” – лучше этих слов ничего нет», – свидетельствует и турецкая поговорка. Лезгины считают: “У того, кто смотрел, да не видал, голова будет цела”. А русская пословица прямо предупреждает: “Не указывай на чужую дверь пальцем – не указали бы на твой двор вилами”.

Очень интересные наблюдения фиксируют пословицы и поговорки в частнопредправовой сфере жизни, где пережитки прошлого не только более живучи, но нередко сосуществуют с противоположными явлениями. Например, семейная и общинная формы хозяйствования веками прививали людям коллективистские представления, воспитывали уважение к общей собственности, понимание преимущества совместного и кооперированного труда. Доказательством тому являются русская поговорка: “Артелью хорошо и недруга бить”, туркменское изречение: “Общее имущество и собака не тронет”, казахская мудрость: “Коллективный труд – самый радостный труд”, башкирская поговорка: “Общая работа всегда идет весело”.

Однако развитие товарно-денежных отношений со временем отрицательно повлияло

на родо-патриархальный коллективизм, стало усиленно формировать у людей частнособственнические настроения. В итоге в фольклоре всех народов возобладали изречения прямо противоположного содержания: “Каждый за себя, один Бог за всех” (русская), “Лучше отдельный воробей, чем общая королева” (немецкая), “Лучше своя кошка, чем общий верблюд” (арабская). Частнособственнические представления со временем укоренились даже в семье, породив пословицы и поговорки вроде турецкой: “Аллах сотворил братьев, но кошечки им создал отдельные”, осетинской: “В делах брат – не брат”, корейской: “Когда дело доходит до денег – нет ни семьи, ни родных”.

Одновременно у большинства народов мира сохраняются патриархальные воззрения на устройство семьи, дома. Их основой является жесткое мужское единоначалие, проистекающее из сакрального крестьянского понимания слова “дом”, исторически имеющего три значения: а) жилища (очага, крова); б) хозяйственной единицы (двора); в) семьи как совокупности ближайших родственников. Дом у человека есть самое родное, теплое и прочное в его жизни, источник любви и добра, центр мироощущения. “Нет места лучше дома”, – заявляют японцы, “Свой двор – конец Вселенной”, вторят бенгальцы. “Свой дом – золотце, своя изба – ягодка”, – говорят эстонцы.

Особая ценность дома видна и по пословице телугу: “Надо спасать дом, если даже придется сто раз солгать для этого”, тем более что в далекие времена он играл еще роль относительно безопасного прибежища человека в окружающем непростом, а часто и просто враждебном мире. Отсюда непререкаемость интернациональной формулы: “Мой дом – моя крепость”. Отголосками “крепостного” понимания родного жилища являются старинная курдская пословица: “Дружный дом против целого племени выстоит, а дружное племя – против целого государства” и русская поговорка: “Дома и стены помогают”. Такая изначальная и примитивная форма извечной отчужденности семьи и рода от остального общества, в котором царили произвол и насилие, закономерно заставляла мужчин организовывать свой дом по военному образцу, налаживать дисциплину в нем ради самовывживания семьи.

Любой дом в патриархальном обществе всегда держался и держится на непререкаемой власти его главы, “старшего”, которым, как

отмечал Н.А. Кисляков, обычно был не самый старый по возрасту мужчина, а наиболее авторитетный и опытный. Он направлял всю жизнь в семье, распределял работу и следил за ее исполнением, его жена ведала распределением женского труда¹⁰. Естественно, такая роль “старшего”, или “хозяина”, получила закрепление в пословицах и поговорках. “В своем доме каждый царь (хан)”, – считают ассирийцы и курды. “Хозяин в дому, что хан в Крыму”, – гласит русская поговорка. “Дом без старшего – пустой курятник”, – говорят армяне. Фольклорное мнение азербайджанцев: “В доме, где нет старшего, не жди изобилия”.

Характерной особенностью дома как большой или малой патриархальной семьи исторически являлось более низкое, чем у мужчины, положение женщины, что тоже нашло выражение в старинных пословицах и поговорках. На Руси, например, на этот счет говорили: “Муж есть глава, а жена – подножие”, “Муж жене – отец, жена мужу – венец”, “Муж жене – закон”. Жители Боснии утверждают: “Мужчина пяти лет старше, чем женщина пятидесяти”. Правда, в фольклоре некоторых народов можно встретить и иную точку зрения. Скажем, монгольское изречение гласит: “Исток реки – родник, исток семьи – мать”. Скорее всего это – отголосок матриархальных отношений, который не исчез благодаря значительной хозяйственно-бытовой роли женщины в семье. Недаром те же осетины утверждают: “Муж – гость, а жена – основа дома”. Армяне и лезгины соотношение мужского и женского участия в организации жизни семьи иллюстрируют такими метафорами: “Муж – наружная стена дома, жена – внутренняя”, “Муж в семье – подмастерье, а жена – мастер”. Как бы обобщая подобные представления, абазинская пословица указывает: “Семью делает семьей женщина”.

Хотя признание важной роли женщины (жены и матери) в семье и домашнем хозяйстве со временем и ослабило идею мужского единоначалия в правосознании ряда народов, тем не менее, до конца не устранило ее. Приведенные пословичные утверждения уравновешиваются изречениями типа: “Дом, где распоряжается женщина, – не дом” (азербай-

джанское), “Властолюбивая жена – муж своего мужа” (персидское), “Муж, живущий по советам жены, числится среди умерших” (осетинская).

Для исторического правосознания многих народов свойственно весьма пренебрежительное отношение к женщине, прямо и грубо переданное русской поговоркой: “Курица – не птица, баба – не человек”. Не менее категорична на этот счет и казахская пословица: “Мужчина с медной головой лучше, чем женщина с золотой”. Негативное представление об умственных способностях прекрасной половины человечества содержит широко известная восточная пословица: “Выслушай, что говорит женщина, и сделай наоборот”.

Пренебрежительное отношение к женщине во многом объясняется спецификой старинной системы родства и брачных отношений в обществе, где наследниками считались только сыновья, а дочерей непременно отдавали в семью мужа. Как отмечал известный дореволюционный исследователь юридических обычаев Н. Калачев, «по общему народному воззрению, девушка в семье – это пустоцвет; крестьяне говорят: “Отца-мать кормлю – долг плачу, сыновей в люди вывожу – займы даю, дочь снабжаю – добро за окно бросаю»¹¹. Такие воззрения свойственны и другим народам. “Девушка в семье в счет не идет”, – утверждают афганцы. “Девушка в члены семьи не входит”, – вторят им абазины. Традиционное мнение эстонцев: “Дочь – это убыток для хутора”. “Девочка в доме – вор”, – соглашаются болгары, тоже имея в виду расходы на приданое дочери. Не случайно у многих народов в патриархальные времена рождение дочери, в отличие от рождения сына, не вызывало восторга. У афганцев, например, до сих пор не принято поздравлять мужчину с рождением дочери.

Приниженная жестокими патриархальными нравами женщина была обязана терпеть побои мужа, что испокон веку считалось вполне нормальным явлением семейной жизни и даже рекомендовалось старинными пословицами и поговорками. “Жену и лошадь бей, если хочешь, чтобы они были тебе покорны”, – гласит сербское изречение. Не отстает в этом вопросе и русский фольклор:

¹⁰ См.: Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1968. С. 19.

¹¹ Сб. народных юридических обычаев. Т. 1. СПб., б. г. С. 25.

“Жену не бить — милу не быть”. “Я — муж, ты — жена, я бью, ты молчи”, — так говорит о старых нравах еврейская поговорка.

Одновременно в мировом фольклоре можно найти примеры почитания матери, заботливого отношения к жене и дочери. “Мать выше папахи”, — говорят лакцы. “Кто свою мать уважает, чужую не обругает”, — замечают азербайджанцы. “Кто отца оскорбит, того осудит народ; кто мать оскорбит — нищим умрет”, — утверждают узбеки. “Для матери хоть яичницу на ладонях изжарь, все равно будешь в долгу”, — гласит даргинская мудрость. “Хорошей жене нет цены”, — отмечают армяне. “Люби жену, как любишь себя, но чти ее больше, нежели чтишь себя”, — советуют еврейские мудрецы. “Родители берегут дочь до венца, а муж — до конца”, — такой вывод содержит русская пословица.

Гораздо больше единогласия юридические пословицы и поговорки разных народов обнаруживают в воззрениях на сущность и предназначение брачных отношений. Чаще всего брак рассматривается в них как пожизненная сделка, цели которой — создание семейно-производственного коллектива и продолжение рода. “Человек живет для потомства”, — полагают осетины. Более конкретно об этом говорит малагасийская пословица: “Женятся, чтобы иметь подругу, детей заводят, чтобы иметь наследников”. Несколько иначе формулирует эту мысль туркменское изречение: “Без жены нет добра, без сына — благополучия”.

Отмеченное предназначение семьи определяет повышенное внимание общественного правосознания к организации семейной жизни. Взаимопонимание супругов, почитание старших и послушание младших являются теми фундаментальными ценностями, которые лежат в основе традиционной семьи у всех без исключения народов. “Дом согревает не очаг, а согласная жизнь супругов”, — говорят малагасийцы. “Дружные супруги и из Тихого океана воду вычерпают”, — утверждают вьетнамцы. И наоборот: “Раздоры рушат семью”, “Раздоры в доме сеют бедность”, “Семейные нелады доведут до беды”, — гласят, соответственно, афганское, японское и русское изречения.

Многовековые наблюдения привели людей к выводу, который присутствует в общественном правосознании практически всех народов: во

взаимоотношения мужа и жены посторонним вмешиваться не следует. Недаром русские говорят: “Муж с женой бранятся, чужой не вяжись”, “Мужа с женой разнимать — самому виноватым стать”, — утверждают евреи. По мнению узбеков, “между мужем и женой встает только глупец”. Монголы человека, который вмешивается в семейную ссору, сравнивают с не слишком умным животным: “Когда муж с женой ссорятся, ослу не следует пробегать между ними”. Не менее образна и категорична на этот счет японская пословица: “В семейную ссору и собака не вмешивается”.

Патриархальное устройство семейных отношений и определение родства по мужской линии обусловили неоднозначное отношение народов к зятям, которое ярко выражено в русской пословице: “У тещи зять — первый гость, а принять в дом — первый разбойник”. Другими словами, благожелательный прием ждет зятя, когда он посещает семью жены в качестве редкого гостя, но его укоренение в ней считается нежелательным и даже неприемлемым. “Зять сыном не становится”, — заявляют по этому поводу китайцы. Резко отрицательное отношение к проживанию зятя в семье родителей его жены содержится в осетинских пословицах: “Кто прилепится к родственникам жены, того считают умершим”, “Плохой мужчина у родичей жены приживается”.

В целом неодобрительно относятся разные народы и к наследованию детьми значительного состояния родителей. Многовековой опыт свидетельствует, что богатое наследство обычно не приносит пользы нравственности потомкам, а часто просто развращает их. Об этом, например, свидетельствуют русские пословицы и поговорки: “Богатство родителей — порча детям”, “Отцам копить, а деткам сорить”. Армянские изречения гласят: “Наследство — источник худших пороков”, “Деньги отца для сына — что моль для шерсти”. О способности наследников быстро проматывать полученное состояние говорят и японцы: “Родители наживали, дети мотали, а внуки нищими стали”.

Такое отношение к институту наследования не случайно. Все народы убедились и отразили это убеждение в пословицах и поговорках, что только собственный труд является прочной основой жизни, заставляет человека ценить деньги и материальные блага. “Деньги с неба не валятся, сокровища не валяются на

земле: засеешь хорошенько поле — будет надежная опора”, — внушает китайская мудрость. “Труд и накормит, и научит”, “Труд — отец богатства, земля — мать богатства”, “Успех дается трудом”, — отмечают азербайджанское, казахское и английское изречения. И напротив: “Легко досталось, легко и промоталось”, “Легко нажитое богатство и без ног убежит”, “Что бесплатно достается, быстро растрачивается”, — считают русская, вьетнамская и хиндустанская пословицы.

Касаясь различных видов денежно-имущественных отношений, юридические пословицы и поговорки отразили широкую гамму суждений, оценок, выводов, содержащих как совпадающие, так и не совпадающие подходы и позиции. Наглядным свидетельством противоречивости общественного правосознания являются, в частности, фольклорные представления о роли денег в обществе. С одной стороны, деньги — это, безусловно, социальная ценность, цель и средство человеческой деятельности. Отсюда такие народные изречения, как английское: “Деньги делают человека”, японское: “Рай раем, а деньги лучше”, грузинское: “Деньги — господин господина”, армянское: “Деньгам даже горы повинуются”. Однако у любого народа есть немало пословиц и поговорок противоположного содержания, раскрывающих негативные последствия господства денег в общественных отношениях. “Где деньги, там и грязь”, “В деньгах корень всех зол”, — говорят англичане. “Деньги рождают вражду”, “Большое богатство человека в собаку превращает”, — утверждают, например, японцы и даргинцы. Подобные мудрословия подтверждают вывод К. Маркса, который, определяя деньги как «отчужденную мощь человечества», указывал на то, что они подменяют своими качествами человеческую индивидуальность, уродуют ее отношения с обществом¹².

Зато долговые обязательства все народы оценивают с редким единодушием, рассматривая их как следствие безвыходного положения человека и предпосылку грядущих бед. Пословицы и поговорки гласят об этом так: “Долги — это преддверие несчастья” (афганская), “Долг — это проклятие” (телугу), “Взятому в долг добру рад не будешь” (тамил-

ская), “Кто берет займы, тот не выберется из беды” (бенгальская), “Кто часто берет в долг, тот попрошайничает” (финская).

Отрицательное отношение к долговым обязательствам объясняется прежде всего тем, что заем обычно сопровождается начислением процентов. “Маленький долг растет, как ребенок”, — отмечает, например, курдская пословица. “Не бери в долг у злого человека — он возьмет проценты”, — предупреждают казахские аксакалы. А если учесть, что богачи всегда стремились и стремятся извлечь из займов максимальную прибыль, то такая форма экономических отношений превратилась в ростовщичество — явление, осуждаемое и презираемое трудовыми массами. Вот русское изречение: “Ростовщики на том свете каленые пятаки голыми руками считают”. А вот старинная немецкая пословица: “Ростовщичество, что раковая опухоль, — все разъедает”. Недаром многие народы издавна считают ростовщиков злодеями, приравнивая их к ворам. “Кто живет ростовщичеством, тот кончает, как вор”, — подчеркивает осетинская пословица.

Интересно, что, в отличие от профессиональных ростовщиков, обычные займодавцы не стремятся увеличить число своих должников, поскольку не питают доверия к долговым отношениям. Многовековая практика убедила людей, что одолжить вещь или деньги гораздо легче, чем потом вернуть их. “Отдашь руками, возьмешь ногами”, — утверждает русская пословица, бытующая также у многих восточных народов. “Отдают долг стоя, просят вернуть деньги — на коленях”, — говорят о том же китайцы. Извечный страх людей перед долгом предопределил их желание искать другие формы взаиморасчета. “Лучший расчет — расчет наличными”, — утверждает немецкая пословица. Мнение китайцев: “Лучше сто — наличными, чем тысяча — в кредит”. Туркмены тоже согласны с этим: “Сделка хороша наличными”. “Хочешь влезть в долги — покупай за наличные, а продавай в долг”, — с иронией советует уйгурская пословица.

Обмен сторон нужными вещами является самой древней и простой формой имущественных отношений. Это в определенной мере объясняет отношение народов и к договору дарения: по древнеримским правовым представлениям, которые получили впоследствии широкое распространение во всем мире, он считается безвоз-

¹² См.: Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 50 т. Т. 42. М., 1955. С. 149.

мездной сделкой. Однако старые пословицы и поговорки разных народов мира на первый взгляд свидетельствуют о другом: “Дар дара ждет” (русская), “Дар требует дара” (грузинская), “Подарок любит отдарок” (коми), “Кто приносит мне дары, учит меня отдавать” (датская). По существу же, в таких случаях речь идет не о даре в его чисто юридическом виде, а о мене как предтече института купли-продажи. Этнограф С.Х. Мафедзев на основе изучения обычного права адыгов отмечает, что они исстари купле-продаже предпочитали дарообмен. Пословица данного народа утверждает: “Что у других торговый обмен, у адыга обмен подарками”¹³. О том, что в седую старину и другие народы отдавали приоритет мене, свидетельствует и древняя немецкая пословица: “Обмен благороднее покупки”.

Правда, в отношении людей к мене тоже можно обнаружить некоторые скептицизм и настороженность. Это, видимо, связано с невозможностью точно определить равноценность меняемых предметов. Потому пословица африканского народа амхара предостерегает: “Кто поменяться предлагает, тот выиграть предполагает”. “Мена одному панует”, – предупреждает украинская поговорка. Недопонимание сути подобной сделки веками подводило легковверных меняльщиков, что точно подметили народные мудрецы. “Кто часто меняет, тот без штанов гоняет”, – смеются украинцы. “Кто меняет, дурака на придачу берет”, – иронично замечает русская поговорка.

Примечательную особенность обыденного правосознания народов составляет их неоднозначное отношение к посягательствам на имущество разных субъектов. Истоки подобной неоднозначности таятся в патриархально-родовом прошлом человечества, когда обокрасть, ограбить и при этом даже убить чужого человека считалось доблестью у представителей всех народов. Это отмечали многие исследователи обычного права. Например, Н.И. Гродеков подчеркивал, что у казахов и киргизов все преступления квалифицировались в качестве дурных поступков лишь обиженными индивидами, правонарушители же в таких случаях, напротив, похвалялись своим геройством¹⁴.

¹³ См.: Мафедзев С.Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов в XIX – начале XX века (Этнографические исследования). Нальчик, 1991. С. 184.

¹⁴ См.: Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889. С. 29.

Подобные представления можно объяснить тем, что в условиях патриархального общества, когда месть во всех ее разновидностях была одним из основных мотивов отношений с окружающим миром и влекла нескончаемую вражду между племенами и родовыми группировками, набеги на соседей всем народам представлялись в ту пору делами вполне правомерными. Недаром в глазах степняков баранта (грабёж скота) всегда имела нечто привлекательное, “молодеческое”, а подвиги родовых барантчей воспевали в песнях¹⁵. О разбойнике Стеньке Разине, плававшем к берегам Персии “за зипунами” и утопившем в Волге захваченную княжну, русский народ тоже сложил заливчатую песню.

Развитие жестоких по своей сути товарно-денежных отношений и резкое социальное расслоение общества закономерно породили еще одну интересную черту общественного правосознания – снисходительное отношение простых людей к любым посягательствам на имущество богачей и собственность государства. “Вместо того чтобы враждовать с бедняком, лучше затевай баранту против бая”, – рекомендует, например, киргизская пословица. “Вор с богатого пошлину берет”, – шутят турки, говоря о кражах у богачей. Даже поговорка издавна законопослушных немцев отмечает: “Обман государства – казна”. Под “казной” здесь имеется в виду частная собственность, денежное состояние индивида. А в русском фольклоре, где слово “казна” обычно употребляется в смысле “государственная собственность” или как синоним *государства*, можно найти ряд соответствующих изречений: “Дай на прокорм казенную корову, прокормлю и свое стадо”, “Казенного козла за хвост подержать – можно шубу сшить”, “Казна на поживу дана”, “Казенному лесу всякий родня”.

Последняя поговорка, кроме того, выражает несогласие людей с распространением прав частной или государственной собственности на объекты природы, которые (как коллективное достояние) веками кормили предков и должны безвозмездно кормить потомков. В античные времена теоретически обосновать подобный протест пытался Цицерон, требовавший соблюдать общность всего того, что природа дала всем

¹⁵ См.: Леонтьев А.А. Обычное право киргизов. Судостроительство и судопроизводство // Юрид. вестник. 1890. № 5. С. 139.

людям. Охранять эту общность, считал мыслитель, обязаны не только законы, но и уважение к старине, в соответствии с древней греческой пословицей: “У друзей все общее”¹⁶.

Отражение многовековых взглядов на природные объекты можно найти в фольклоре многих народов. “Лес и вода принадлежат всем”, — утверждает, например, эстонская поговорка. У немцев есть изречение: “Земля — королю, дерево — крестьянину”, согласно которой лес является собственностью крестьянской общины даже при монаршем владении землей. Аналогично к вопросу пользования лесными богатствами подходили и русские люди: “На лес и поп вор”.

Единодушны в основном все народы по поводу посягательств на имущество бедняков, а также при оценке бытовых убийств: они уверены в неотвратимости наказания преступника. Кроме хрестоматийной: “Сколько веревочке ни виться, а концу быть”, — об этом свидетельствуют и другие русские пословицы и поговорки: “Вор ворует не для прибыли, а для гибели”, “Как вор ни ворует, тюрьмы не минует”. С такими выводами согласны крылатая мудрость лезгин: “Вор на своей постели не умрет”, пословица марийцев: “Вора все дороги в тюрьму ведут”. Тамилы, киргизы и турки говорят: “Замышляющий гибель других — сам погибнет”, “Голова разбойника останется на дороге”, “Кто убьет, того убьют”.

Исключение в вопросе неотвратимости наказания составляют только высокопоставленные и богатые преступники, в отношении которых закон часто бездействует, что определенно зафиксировали юридические пословицы и поговорки: “Деньги скрывают тысячу преступлений” (китайская), “Мелкие воришки висят на виселице, крупные воры разъезжают в каретах” (эстонская), “Богатый расплачивается деньгами, бедный — своей шкурой” (финская), “Бедный расплачивается головой, богатый — деньгами” (карельская).

Судя по пословицам и поговоркам, в правосознании большинства народов преобладает убеждение о неискоренимости преступника. “Можно перевоспитать недостаток, но нельзя перевоспитать природу”, — заявляет изречение монго. Аналогичную точку зрения выра-

жает иносказательная пословица другой африканской народности — хайя: “Что однажды стало кривым, уже нельзя выпрямить”. “Волк пастухом не станет, а вор — святым”, — тоже считают грузины. Хиндустанцы утверждают: “Если вор перестал воровать, это еще не значит, что он изменил свою натуру”. “Вор беду избудет — опять на воровстве будет”, — не сомневается русская пословица.

Важной чертой правосознания у всех народов является также очевидный виктимологический уклон, сформировавшийся в седую старину. Испокон веку при отсутствии или бессилии специальных органов государства по борьбе с преступностью главным средством охраны имущества и жизни человека были его собственная осторожность и осмотрительность. Недаром многие юридические пословицы и поговорки отмечают вину самой жертвы в случившемся злодеянии и призывают людей быть бдительными. Так, про явную глупость, способствующую какому-либо преступлению, корейцы говорят: “Дать ключ вору”, малайцы: “Доверить ключи вору”, а индонезийцы: “Показать вору, что плохо лежит”. Согласно арабской пословице: “Кто плохо смотрит за своим добром, тот товарищ вору”. “На каждого простофилю найдется свой мошенник”, — утверждают непальцы. Роль жертвы нередко заметна и в преступлениях против личности, что доказывают русские изречения: “Кто ножом пошутит, ножом умрет”, “На задиристом буяне всегда шкура в изъяне”¹⁷.

Основные совпадающие черты общественного правосознания разных народов в конечном счете обусловлены единством мыслительной природы человеческого сознания, общими закономерностями социальной жизни людей и едиными механизмами ее регулирования. Юридические пословицы и поговорки, отразившие эти черты, свидетельствуют о том, что, разделенные расстояниями, природными условиями, государственными границами, языками, историко-цивилизационными факторами, все народы оценивают правовые явления и реагируют на них в общем-то одинаково. Их отношение к различным политико-правовым фактам и событиям подчинено общечеловеческим интересам, необходимости сосуществования и сотрудничества. Больше

¹⁶ См.: Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1974. С. 71.

¹⁷ Подробнее см.: Лунарев Г.П. Виктимологическая мудрость народов в пословицах и поговорках // Законность. 2006. № 1.

того, сами юридические пословицы и поговорки, аккумулируя общие мысли и чувства людей, могут быть важным ценностно-коммуникативным средством выработки взаимопонимания.

Что касается отдельных особенностей общественного правосознания, сформированных в процессе исторического развития реальными условиями жизни народов, то они прослеживаются с помощью народных изречений значительно труднее и проявляются опосредованно. Например, об отношении к кровной мести можно судить не столько по

содержанию старых изречений, сколько по их численности в фольклоре того или иного народа, частоте употребления в повседневной жизни. Уровень правового нигилизма в определенной мере также измеряется количеством народных пословиц и поговорок, отрицательно оценивающих фактическую роль законов и правосудия в конкретном обществе. Правда, в любом случае необходимо делать поправку на состояние паремиологии в той или иной стране: от этого во многом зависит объем эмпирической базы исследования юридических пословиц и поговорок.

LEGAL PROVERBS AND SAYINGS AS A FORM OF LEGAL CONSCIOUSNESS

© 2018 G. P. Luparev

Alma-Ata, Kazakhstan

E-mail: lgp.49@mail.ru

Received 03.03.2017

Legal proverbs and sayings for centuries store in themselves thoughts and emotions of people that turns them into a special and invaluable form of individual, group and public sense of justice. The understanding of the sense of justice put in national sayings demands accurate differentiation of its historical and modern aspects. All ancient proverbs and sayings represent live chips of sense of justice of the past time. But their use in modern life connects views and moods of the people living nowadays with sense of justice of former generations of the people, provide continuity in development of its political-right culture and the main values.

Key words: legal paremiologiya, legal consciousness, legal proverbs and sayings.